

После горсти фиников во рту осталась сладкая, свежая нота. Перед глазами сновали прохожие, а Вэнь Ецай время от времени выкрикивал что-нибудь, зазывая покупателей:

— Братишка, посмотри дикое мясо — свежее, только сегодня добыл!

— Тётушка, взгляните на весенние побеги и зелень, отдаю дёшево, будет что на стол добавить!

Иногда кто-то останавливался, чтобы бросить взгляд, узнать цену. Но большинство и головы не поворачивало — проходили мимо, не удостоив его вниманием. Сам Вэнь Ецай не особо расстраивался. Когда становилось совсем тихо, он коротал время, болтая с Юй Шанчжи. Обычно в город он приезжал один. Если товар расходился быстро — хорошо, а вот в такие дни, как сегодня, когда торговля шла слабо, становилось скучно до невозможности.

В этот раз рядом с ним был Юй Шанчжи, и он тотчас разговорился. Начал с того, как раздражает его Ван Сяюй.

— Ты не знаешь, как он всех достал, — ворчал он. — Воображает о себе невесть что: мол, красивый, семья с землёй и домом, два старших брата да родители души в нём не чают — словно зеницу ока берегут. А так как наши матери с детства друг друга не выносят, он с самого малолетства придирался ко мне. Только драться он толком не умеет, потому каждый раз домой бежал жаловаться. Тогда его мать приходила ругаться с моей, а братья — те и вовсе за компанию помогали ему издеваться надо мной.

Юй Шанчжи нахмурился, слушая его:

— Его братья, выходит, и вовсе без стыда и совести. Два взрослых мужика на одного гера — и не стыдно? Разве они не боятся опозориться?

Все это было делом давно минувших дней, сам Вэнь Ецай уже давно не держал зла, но стоило оказаться рядом с Юй Шанчжи, как не удержался — заговорил о прошлом. Спустя столько лет, услышав от своего мужа одно только «без стыда и совести», он вдруг почувствовал, что и обиды тех лет были не зря.

— Впрочем, в итоге я и сам не остался в накладе, — усмехнулся он. — С детства с отцом охотой занимался, кое-какие навыки у меня были. Они меня — я их тоже не хуже.

Юй Шанчжи невольно представил себе Вэнь Ецай в детстве — тогда у того ещё были живы оба родителя, и он вполне мог себе позволить быть озорным и своенравным.

— А как ты им отплатил?

Вэнь Ецай хмыкнул, слегка покашлял, как бы заранее оправдываясь — дескать, методы у него были не самые изящные:

— Ну... отец меня учил, как ловушки ставить, вот я и подкараулил момент, когда те двое пошли в горы. На тропинке впереди вырыл ямку — не такую, чтоб зверя поймать, нет, маленькую. Так, чтобы как следует приложились. Они оба туда угодили, носы разбили, лица ободрали, а в довесок ещё наелись прелых листьев, что на дне лежали.

Он украдкой взглянул на выражение лица Юй Шанчжи — вдруг тот подумает, что он слишком жесток или злопамятен?

Но Юй Шанчжи только усмехнулся, в его взгляде мелькнуло одобрение, и он серьёзно кивнул:

— Правильно. С такими только так и надо — пусть знают, что значит нарваться.

Вэнь Ецай вновь на мгновение замер, словно задумался, позабыв, что хотел сказать — лишь глуповато усмехнулся пару раз. Улыбка сошла с лица, и, вспоминая Вана Сяюю и недавний эпизод, он внезапно ощутил лёгкую грусть.

— На самом деле, — сказал он, — та тётка раньше приняла меня за мужчину, и в этом нет ничего странного. Братья Вана Сяюю тоже так говорили — мол, дерутся со мной потому, что вообще не считают меня гером. У меня ведь, кроме метки беременности, нет ничего, что бы меня выдавало.

Он редко позволял себе такие откровения и даже тяжело вздохнул:

— Ты уже столько дней живёшь у меня, но так ни разу и не видел, как я выгляжу. По сути, мы ведь и обряд не провели, не женились как положено. Вот и думаю... когда зрение вернётся, не окажусь ли я тебе противен? Вдруг передумаешь, откажешься входить в наш дом?

Улыбка на лице Юй Шанчжи медленно угасла. В этом вопросе у него действительно не было сомнений — совесть его была чиста. Но в глубине всё же оставался тяжёлый след — тот бардак, что оставил прежний обитатель этого тела, затянувшаяся история с притворной смертью, до сих пор не была исчерпана. В этом и крылась вся суть.

Мелькнувшее на его лице выражение быстро исчезло, словно ветер смахнул пыль с зеркала — едва заметный след, не успевший остаться в памяти. Душа прежнего хозяина давно ушла, а всё, что теперь исходило из уст Юй Шанчжи, было уже только его личным выбором, его волей и чувствами.

— А-Е, если я скажу, что мне всё равно, как ты выглядишь, — согласишься ли ты мне?

Вэнь Ецай заморгал, явно не ожидая, что Юй Шанчжи ответит именно так.

— М-м... да в этом, пожалуй, и нет вопроса веры. Сейчас, конечно, принято перед свадьбой взглянуть друг на друга, но ведь и слепых браков, и немых сговоров полно — бывало, что люди

женились, ни разу не увидевшись, а потом жили себе и горя не знали.

Юй Шанчжи уловил в этом нечто важное: Вэнь Ецай ни разу не попытался оспорить мнение, будто он некрасив. А это означало, что он сам так думал.

— Но с чего ты решил, что у тебя такой уж неприглядный вид? — мягко сказал он. — Почему я, когда прозрею, не могу, к примеру, прийти в восхищение? А вдруг ты и вправду ослепительно красив?

Вэнь Ецай не выдержал и рассмеялся:

— Ладно, хватит, я понял, что ты хотел сказать. Не нужно меня утешать такими словами. Я ведь и сам знаю, чего стою.

Ослепительно красив? Да я буду рад, если когда зрение вернётся, ты хотя бы в ужас не придёшь.

Он потер лицо ладонями, со смешанным чувством. Ну почему лицо досталось ему от отца? Хоть бы немного унаследовал мягкость и изящество матери...

А тем временем дичь, как и всегда, ушла быстро — товар редкий, потому и раскупили мгновенно. Только с весенними побегами и зеленью задержались — половина корзины так и осталась полной. Именно они и отняли большую часть времени.

Протянув до самого полудня, они, сидя прямо у прилавка и запивая водой, поели лепёшек, что взяли с собой из дома. Вэнь Ецай ещё сбегал и купил по порции вонтонов, а после немного подождали и, сбавив цену, наконец распродали всё, что оставалось на прилавке.

— Вот такова торговля с лотка: каждый раз всё зависит от удачи. Ну хоть не затянулось до вечера, — беспечно сказал Вэнь Ецай, расправляя плечи и потягиваясь.

Сегодня с собой было три кролика и две бамбуковые крысы. Кролики ушли по восемьдесят вэней, крысы — по шестьдесят. Итого — триста шестьдесят вэней. Оставшиеся десятки цзиней весенних побегов и зелени продавались по три-четыре вэня за цзинь, и набралось с них ещё сто пятьдесят. В целом за день они выручили пятьсот десять вэней — больше пяти цяней серебра.

— Совсем неплохо. А ведь ещё и травы остались, — заметил Юй Шанчжи, бережно перебирая монеты, пересчитывая одну за другой, сверяя сумму, после чего Вэнь Ецай аккуратно спрятал их при себе.

Затем он помог Юй Шанчжи подняться, сам нагнулся и собрал табуретку.

— Скоро жара настанет, — пробормотал он, — надо будет больше кроликов ловить. Люди в городе привередливые, считают, что у каждого времени года — своё мясо. А вот шкурка кролика летом в цене не будет, так что лучше сразу снимать и выделывать, а уж к осени — пригодится.

Он поднял голову, взглянул на Юй Шанчжи и, прищурившись от улыбки, сказал:

— Когда придёт зима, я оставлю для тебя одну чисто-белую кроличью шкурку — сошью тебе тёплый воротничок!

Но Юй Шанчжи думал вовсе не о зимнем воротнике, а о словах Вэнь Ецай чуть раньше.

— Кроличье мясо по свойствам прохладное, действительно хорошо для лета. Как и утиное — тот же принцип. Я давно хотел тебя спросить: раз уж у нас и так куры водятся, почему бы не завести ещё и уток? Как только Санъя немного окрепнет, нельзя ему всё время сидеть дома. Можно будет поручить Эрню ходить с ним пасти уток. Прогуляются, свежим воздухом подышат — и польза, и зарядка.

Вэнь Ецай задумался и сразу же согласился:

— Идея отличная. Утка — это и мясо, и яйца.

Тем более, что утята как раз продавались тут же на рынке. Цена — десять вэней за штуку. Тётушка Чунь помогла им выбрать пять утят: одного селезня и четыре утки. Много самцов заводить не стоит — будут драться, да ещё и мешать уткам нестись.

— Уток кормить почти как кур. Только если будет время, заглядывайте в заливные поля — наловите там мелкой рыбёшки, креветок, улиток. Тогда и мясо будет сочнее, и яйца крепче.

Вэнь Ецай серьёзно кивнул, показывая, что всё понял и запомнил.

Подойдя ближе, тётушка Чунь наконец разглядела метку гера под глазом у Вэнь Ецай и того самого молодого лекаря, которого ранее по ошибке приняла за гера. Когда они ушли, она ещё долго качала головой и удивлённо приговаривала, как в жизни, оказывается, встречается всякое.

Когда они вышли с улицы, где располагался рынок, бамбуковая корзина за спиной стала заметно легче — большую часть товара уже распродали. Зато теперь в ней перекатывались туда-сюда несколько пушистых и лёгких комочков, от которых раздавалось хаотичное криканье, теряющееся в шуме телег, шагов и голосов прохожих.

Вэнь Ецай, опасаясь, что Юй Шанчжи с его слепотой могут задеть в толпе, не отнимал у него руки, позволив по-прежнему держаться за своё плечо.

— Сначала пойдём в «Байцзиган» — сдадим лекарственные травы. Я часто бываю в той аптеке, там хорошие работники и добрый хозяин. Не знаю, закупают ли они сырьё с улицы, но спросить не помешает. Если берут, цена должна быть честная.

Юй Шанчжи, совершенно не знавший Люанси, полностью положился на Вэнь Ецай в этом вопросе.

Они шли медленно, а Вэнь Ецай время от времени рассказывал ему о том, что встречалось по пути — про лавки, про скамейки, про дом с висячими фонарями и тот угол, где всегда пахло жареными лепёшками. Юй Шанчжи слушал внимательно, отвечал вовремя, не упуская ни одной детали, и это искреннее внимание наполняло Вэнь Ецай тихой радостью, будто он стал для кого-то действительно важным.

Прохожие то и дело бросали взгляды. Чаще всего сперва смотрели на Вэнь Ецай, но вскоре задерживали взгляд на Юй Шанчжи, после чего возвращались к первому — уже с заметным недоумением. Особенно назойливых взглядов Вэнь Ецай не терпел: стоило кому-то слишком явно глазеть, как он тотчас сверкал холодным, недружелюбным взглядом.

Что пялитесь? Красивого мужчину никогда не видели, что ли? Это мой!

Однако, сосредоточившись на людском потоке вокруг, Вэнь Ецай и не подумал обернуться и взглянуть назад. В это самое время, у ближайшего переулка, за прикрытием лепёшечной лавки, сваха Хуа стояла бледная как мел, а мужчина, сжавший кулак, смотрел на неё хищно и мрачно. Под угрозой удара она дрожащей рукой указала на удаляющиеся спины двух человек:

— Смотри сам! Я же не врала! Тот молодой лекарь не только жив, а ещё и с этим уродцем по фамилии Вэнь неразлучен — прямо мед с маслом!

Из тени выступил небритый, неопрятный мужчина — кто бы мог подумать, что это был тот самый извозчик Ли-эр, который вместе со свахой Хуа тогда отвозил Юй Шанчжи в деревню Селю. Если в прошлый раз он выглядел холодным и решительным, то теперь, спустя полмесяца, он словно прошёл через что-то пугающее — не только стал заметно потрёпанным, но и в глазах его поселился по-настоящему жуткий, леденящий взгляд.

Сваха Хуа сжала ладони в молитвенном жесте, молча шепча молитвы от Нефритового императора до самого бога земли, искренне уверившись: людям всё-таки нельзя делать черные дела — обратно вернётся!

С того дня, как их с Ли-эром прогнали собаки из деревни Селю, она была уверена — инцидент можно похоронить на задворках памяти, и пусть каждый идёт своей дорогой. Кто бы мог подумать, что этот человек, напротив, уцепится за неё мёртвой хваткой? Ли-эр с тех пор без конца грозился: если сваха Хуа не даст денег, он разнесёт слух о её участии в мошенничестве — мол, сговорила с мужиком, чтобы жениться на гере обманом. И тогда ей точно никто не доверит больше ни одной сватовской сделки.

А в ответ сваха Хуа попросту ничего не могла ему противопоставить. Ли-эр был одиночкой, у которого «сыт сам — и вся семья сыта». Кто упрекнёт извозчика за дурной нрав? Ему клиентов всё равно хватает. А вот для нее, свахи, репутация — всё. Сваха Хуа всю жизнь зарабатывала на сватовстве, и как могла она рискнуть лишиться своей чашки риса? Поэтому, несмотря на мучительное раздражение, уже несколько раз ей пришлось откупаться от извозчика Ли-эр — в общей сложности он вытянул у неё почти два лян серебра. Каждый раз, когда приходилось расставаться с монетами, у неё чуть не сводило печень.

И вот сегодня она приехала в Лянси с очередной сватовской миссией. Проходя мимо рынка, она краем глаза заметила того самого уродливого гера из семьи Вэнь. Но не только его — рядом с ним шёл и тот молодой лекарь по фамилии Юй. В голове у неё сразу щёлкнуло — план созрел. Не теряя времени, она наняла повозку, вернулась в деревню Утунч и вытащила Ли-эра, приговаривая:

— Я, старуха, которая одной ногой уже в гробу, сколько мне ещё жить-то осталось? Вместо того чтобы давить на меня, иди лучше к Юй Шанчжи — на нём ещё можно денег сделать!

Потому как, по её мнению, раз тот не умер, а теперь ещё и прочно осел в доме Вэнь, да и, как видно, в этого уродливого гера влюблён по уши — это ведь настоящее долгосрочное дело! Появляйся к месту, да выбивай понемногу — разве не отличный способ регулярно «срывать осеннюю жатву»?

Юй Шанчжи — лекарь, значит, при деньгах. Раз он остался в семье Вэнь, значит, точно боится, чтобы правда о его попытке притворной смерти и побеге перед свадьбой не стала известна Вэнь Ецаю. А если уж дело дойдёт до того, что эта история действительно всплывёт...

Кто знает, не всыплет ли тот дерзкий, свирепый охотник ему прямо по первое число?

У охотников кулаки не для шуток!

Ли-эр, выслушав всё это, пришёл к выводу, что в словах свахи Хуа действительно есть здоровое зерно. Вдохновлённый её речами, он сразу же согласился пойти с ней — так и произошла сцена у переулка, что разыгралась чуть ранее.

Когда сваха Хуа уже было подумала, что своё дело сделала и теперь может спокойно уйти, Ли-эр вдруг упрямо потащил её следом за Вэнь Ецаем и Юй Шанчжи. Старуха была готова зарыдать — и от страха, и от злости, но виду не подала, а лишь приняла спокойный, будто будничныи вид, словно так и задумано было, будто она просто случайно шла в том же направлении.

Спустя примерно полчаса, оба они — и Ли-эр, и сваха Хуа — своими глазами увидели, как Вэнь Ецай завёл Юй Шанчжи в аптеку с вывеской Байцзитан. Ли-эр потянул сваху Хуа в укромный угол напротив магазина, и они затаились в ожидании подходящего момента.

А тем временем, внутри лавки.

— О, Вэнь-гер, вы пришли! Вам, как обычно, нужно лекарство? — бодро поприветствовал его лавочник, сразу узнав в нём частого посетителя.

При этом он заметил, что рядом с тем, кто и раньше часто заглядывал в аптеку, на сей раз был ещё и красивый молодой господин — до этого он его не видел.

Вэнь Ецай кивнул, достал из-за пазухи два свёрнутых рецепта:

— Всё те же два, по семь порций каждого. И ещё — мой муж врач, он принёс с собой немало уже подготовленного сырья. Вы у себя принимаете лекарственные травы?

<http://bllate.org/book/13600/1205937>